

Zviad Anageli

Три рассказа

*Об Улыбке
Про деньги
Связь*

Zviad Anageli
Три рассказа

«Издательские решения»

2015

Anageli Z.

Три рассказа / Z. Anageli — «Издательские решения», 2015

«Об Улыбке»: История человека, который улыбаться не умел. Его прозвали «Улыбчик». Прозвище дали ему для нейтрализации печального имиджа, потому что в глубине души он был человеком, совершенно несоответствующим собственному виду. «Про деньги»: Это не про деньги. «Связь»: Владиюг жил во Владивостоке. Безмерно любящий Родину Владиюг стал членом одной организации, название которой было «Союз православных патриотов России». Он отправился в Грузию, чтобы найти связь между православными народами.

© Anageli Z., 2015

© Издательские решения, 2015

Содержание

Рассказ об Улыбке	6
Про деньги	10
Связь	18
Часть первая. Россия	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Три рассказа
Об Улыбке. Про деньги. Связь.
Zviad Anageli

© Zviad Anageli, 2015

Переводчик Tamara Gaidarova

Редактор Zurab Kutibashvili

Редактор Zhiul Saamishvili

Редактор Tamara Gaidarova

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Рассказ об Улыбке

Вы, наверное, слышали, и не раз, такое выражение: «Да что это с тобой, почему у тебя все время плачущее выражение лица?» Так вот, у одного моего одноклассника и друга детства, лицо всегда было именно такое – плачущее, – и так он и ходил, вечно хмурый. Мы прозвали его «Улыбчик». Такое прозвище дали ему для нейтрализации печального имиджа, потому что, как говорится, в глубине души он был человеком, совершенно несоответствующим собственному виду. Вот только улыбаться не умел. Но люди, увидев впервые его плачущее выражение лица и услышав его прозвище, сначала удивлялись такой несовместимости имени и вида, а потом обязательно улыбались, если только кто-то из них и сам не оказывался случайно такой же странной личностью, как наш Улыбчик.

Я хорошо помню, что также, как и в любой школе, в любом классе были и у нас в ходу какие-то словечки и выражения, принятые только в нашем кругу. Во втором семестре девятого класса мы тоже придумали себе особые выражения и ввели моду употреблять их к месту и не к месту. В нашем случае мишенью для не очнь-то умных остроумств часто становился Улыбчик. Вот, например, кто-то начинал:

– А ну-ка, кто скажет: почему птицы не улыбаются?

– Потому что у них рот клювом! – отвечал другой.

А тут и третий встречал:

– Ну, а что же произошло с нашим Улыбчиком, он-то почему не улыбается, у него же не клюв вместо рта!

Разумеется, и самому Улыбчику были уже хорошо знакомы такие выпады, – по-детски глуповатые фразы, – но, представьте себе, он и на них не улыбался.

Короче, время шло, мы выросли, и я, как ближайший друг Улыбчика, больше всех переживал по поводу этого его врожденного свойства. Не говоря уже ни о чем другом, мы ведь всегда и везде появлялись вместе, и это – то мрачное, то подозрительное, – выражение его лица, отражалось и на мне, и встречные думали: ну и угрюмая парочка! Я ведь тоже отвыкал улыбаться рядом с ним, иначе про нас, в лучшем случае, сказали бы так: ненормальные какие-то оба! А ну-ка, представьте себе: один вечно мрачный, другой – улыбающийся!

Мы оба, можно сказать, уже возмужали, когда я, наконец, попытался учить Улыбчика уму-разуму. К моему удивлению, он не оказал никакого сопротивления, и, обнадеженный этим, я решил сам исправить эту ошибку природы в отношении моего друга. Я сначала сам выучил перед зеркалом множество разных улыбок, и в какой-то период наши беседы стали похожи больше на тренинги улыбок. В комнате, сидя лицом друг к другу, на улице, идя рядом, за столом, со стаканом в руке, во время телефонных бесед, – я постоянно твердил ему о роли и необходимости улыбки в нашей жизни.

– Улыбка – само это слово улыбается, ты только посмотри, Улыбчик, ведь правда – улыбающееся слово? Улыбка – это не смех, хотя она часто предшествует ему. Улыбка – это и не улыбка вовсе. То-есть, это не просто маска, полученная в результате каких-то сокращений-напряжений определенных мышц лица. Улыбка говорит о многом, она – осмысленное выражение человеческого лица, его внутреннего мира. Улыбка – это не просто уголки рта, приподнятые в направлении ушей. В улыбке принимает участие каждая часть лица. Глаза? Вот именно, глаза – неотъемлемая и обязательная составляющая часть улыбки. А ну-ка, закрой человеку лицо так, чтобы только глаза были видны, и командуй ему, чтобы он то улыбался, то хмурился... Ты же сразу поймешь, когда он улыбается, и когда – нет!

Да, я обратил внимание на такое явление, потому что и сам очень заинтересовался всем этим, и, в присутствии Улыбчика, производил следующие опыты над лицом сынишки моего соседа: закрывал ему пухлый ротик и нос впридачу бабушкиной косынкой и глядел ему

в глазки испытующим взглядом гипнотизера. А он то улыбался мне из окутывающей его ткани, то смотрел сердито... И я ни разу не ошибся, угадывая, глаза каждый раз выдавали его. Отсюда я сделал вывод, что не только рот, но и глаза улыбаются.

Попытки научить друга улыбке многое мне открыли и многому научили меня самого, но все равно мне не удалось заставить Улыбчика улыбнуться. В конце концов, я пришел к заключению, что улыбка – очень сложное и глубокое явление, и ей не научить ни «прозвищем» – насмешкой, ни силой убеждения. Сделав это открытие, я приумножил свои наблюдения над улыбками, со временем это перешло у меня в постоянную и какую-то беспокойную привычку. Я обнаружил множество самых разных видов улыбок, начиная с улыбок работников сферы обслуживания, вымученных и усталых в конце рабочего дня (когда они в силах только чуть-чуть показать зубы, да и то не всегда), и кончая ободряющей «фальшивой» улыбкой уверенного в своем здоровье близкого человека, пришедшего навестить больного, умирающего от неизлечимого недуга. Эта улыбка словно бы говорит больному: если бы тебе было действительно плохо, разве стал бы я так улыбаться? Да я просто забежал навестить тебя, конечно же, ничего серьезного и тревожного с тобой не происходит, все, как обычно... Часто видел я и стертую улыбку. Да, именно стертую, это когда человек вдруг совершенно ни к месту улыбнется, но тут же поймет неуместность улыбки, и с виноватым видом как бы сотрет ее с лица. А еще есть и такая улыбка, – улыбка ушедшего в мечты человека, взглядом устремившегося куда-то в пространство, которая освещает лицо неземным светом; он улыбается мечтам, неведомым окружающим, и достаточно в этот момент какого-то чуть заметного толчка со стороны, тихого оклика, чтобы вернуть его к реальности, – и бесследно исчезнет с его лица эта улыбка... Я обнаружил также, что улыбка начинается в сердце. Человек сначала улыбнется в своем сердце, и только через миг улыбка отразится на лице. Потом я задумался: а может быть, существует и такая улыбка, что остается в сердце, не проявившись на лице, которую задержали в сердце с самого начала, и по этой причине она не успела осветить лицо? Да, и так бывает, я знаю это из собственного опыта. Это улыбка, которую мы не видим, но все-таки она существует! Существует и улыбка – подруга человека, это когда сам человек и его внутренняя улыбка как бы ободряют друг друга, поддерживая... И так без конца, и чтобы не зайти очень далеко, я сейчас замолчу и снова напомню вам о моем трагически настроенном друге.

Совсем недавно Улыбчик стал жаловаться на головные боли. Я подумал, что это все из-за его вечной угрюмости, и опять начал читать ему проповеди о пользе улыбки, хотя узнав, что головная боль не прекращается у него уже несколько дней, я уговорил его обратиться к врачу.

И вот, жуя горячие пирожки (с детства мы оба очень любили это занятие), мы с Улыбчиком подошли ко входу в лечебное учреждение. За всю дорогу ни один из нас и голоса не подал. Улыбчик всучил мне целлофановый пакет, полный промасленных салфеток, и мрачно вошел в поликлинику, а я решил подождать друга в ближнем скверике.

На длинной скамье напротив меня расположилась целая семья. Молодые супруги, пухлый карапуз полутора лет и аккуратная старенькая бабуля вышли посидеть на свежем воздухе. Отец рукой подстраховывал переступавшего вдоль скамьи мальчугана, а мать присела рядом со старушкой, лаская ее худые, морщинистые руки. С первого же взгляда было заметно, что молодые заботятся об обоих – и о малыше и о старушке. Все четверо улыбались. На влажных губках малыша расплылась радостная улыбка. В улыбке отца читались забота и счастье. Молодая женщина с чуть грустной улыбкой смотрела на бабушку. А я наблюдал за улыбкой старушки, улыбкой, которая была весьма интересной и необычной. Вот представьте, когда на просветленном старческом лице на губах улыбка, а глаза – печальны. Такая улыбка встречается на лицах простодушных и добрых стариков, которые отличаются от малых детей лишь этой просветленностью, в которой все-таки больше сожаления, чем счастливого умиротворения. Да, это улыбка, в которой ощущается предчувствие того, что жизненный путь близится к завершению, это улыбка беспомощности, но все же – это улыбка. Наверное, минут десять я не мог отве-

сти взгляда от этой улыбки... Потом решил пройтись и встал со скамейки. Пакет с бумажками я швырнул в мусорный ящик, что стоял неподалеку. И тут легкий ветерок внезапным порывом в ту же секунду рванул этот пакет и вернул его мне, намотав на руку, которую я и опустить не успел. Я сначала попытался его перехватить другой рукой, еще пару секунд беспорядочно размахивая руками, как оглушенный боксер на ринге, но «лучше подготовленный технически противник» – целлофановый пакет – не поддавался, и еще через пару секунд борьба закончилась тем, что я своей же рукой прорвал целлофан, который лопнул, как воздушный шарик и сверток бумажек превратился в разлетевшийся по всему скверу мусор. Я только успел подумать: вот это и есть настоящее загрязнение окружающей среды! Прохожие смотрели на меня, улыбаясь, и, наверное, многие из них, до того озабоченные своими проблемами, искренне развеселились, наблюдая за моими безуспешными стараниями. «Надо же, и что это с тобой приключилось...» – читалось в их сочувственных улыбках. Глядя на них, и я улыбнулся, только моя улыбка была несколько вымученной... А тут еще подошел сотрудник инспекции по защите окружающей среды сеще незаполненной квитанцией на штраф в руках, и мне снова пришлось улыбаться: я, мол, не виноват, это все ветер... Но в ответ получил улыбку строгую и холодную – вместе с штрафной квитанцией: закон есть закон, и ты меня подкупишь своей улыбкой. И пока страж порядка заполнял бланк, прохожие пытались ободрить меня робкими, едва заметными сочувственными улыбками. «Спасибо, да минует вас такая напасть» – отвечала им моя неуверенная улыбка. Так меня и оштрафовали, в сопровождении самых разных улыбок...

Тут и Улыбчик показался. Странное было у него лицо, как бы испуганное. Не знаю, я бы не смог описать его выражения. Губы у него так странно сложились, что в какой-то момент мне показалось: неужели улыбается, и от удивления я едва не раскрыл рот, но, заглянув ему в глаза, я тут же отказался от этого своего предположения. Странно выглядел наш Улыбчик, настолько странно, что по лицу моему невольно скользнула насмешливая улыбка... И только я хотел вымолвить: что это с тобой, что за вид... Но, опережая мой вопрос, он сам сказал: ты должен проводить меня в онкологическую больницу...

Через несколько дней я бродил возле приемной Онкологической Больницы в ожидании ответов на анализы и курил сигарету за сигаретой. Улыбчик сидел тут же неподалеку, борясь с неоставляющими его болями. Вскоре подошел к нам врач, улыбнулся Улыбчику, а меня взял под руку и увел в свой кабинет. Я обернулся, чтобы взглянуть на Улыбчика, но лучше бы я не делал этого, его лицо выглядело как вопросительный знак, большой, испуганный вопросительный знак... Мне никогда не забыть этого выражения на его измученном лице.

Выйдя из кабинета врача я сразу наткнулся взглядом на глаза Улыбчика, расширившиеся от напряженного ожидания. Я смотрел на его лицо, и у меня было такое впечатление, что у этого человека улыбка замерзла где-то в сердце раньше, чем он успел о ней подумать. А кто лучше меня знал о том, как не хотел умирать Улыбчик! Я вспоминал его планы на будущее, и... Сердце мое рыдало, но слезы проливались лишь где-то внутри, я не выпускал их наружу. Я не мог сказать своему другу об ожидающей его вскоре смерти, у меня не было для этого ни внутренней силы, ни смелости. Меня хватило лишь на то, чтобы подойти и молча обнять его... «Эх, недолго тебе осталось пожить, братишка,» – только мысленно смог я произнести эти слова, а на самом деле постарался улыбнуться пошире, как и полагалось доброму вестнику. А Улыбчик изучал меня взглядом, сначала в глаза посмотрел, а потом так долго и внимательно рассматривал мое лицо, что я понял: он изучает мою улыбку, я точно знал, что он пытается, следуя усвоенной от меня же методике, распознать правду, и в ней, в моей улыбке прочесть слова, сказанные мне врачом. Я-то знал, что это была лживая, легко стираемая улыбка, и боялся, чтобы она вдруг не исчезла с моего лица. Раньше я никогда и представить себе не мог, как трудно сохранять на лице улыбку, сколько силы воли потребуется, чтобы удержать ее хоть на несколько секунд...

Через две недели мой друг умер. Разумеется, в течение всего этого времени он ни разу не улыбнулся, а я старался ни на миг не отпускать со своего лица улыбки, которая плакала где-то далеко в глубине сердца. В последние минуты жизни лицо его выражало только мучения. Лишь при последнем вздохе, мне показалось, что он улыбнулся... И это был для меня первый наглядный пример улыбки, навечно замерзшей на лице. Я смотрел на улыбающегося покойника и плакал, и лишь сейчас слезы неудержимо струились по моему лицу, а Улыбчик все улыбался...

Про деньги

Илуде сказали:

– Ты должен предать! – Илуда задумался... А потом спросил:

– И что я получу взамен?

– Деньги! – таков был ответ... И Илуда согласился.

Илуда вырос в уважаемой трудовой семье. Да, обычно так и говорят, желая заранее создать благоприятное мнение о том или ином незнакомом нам человеке. «В уважаемой трудовой» семье, – оба эти определения при оценке непременно так и соединены-связаны друг с другом. Вот так: уважаемая потому что трудовая, и, так как трудовая, значит, и уважаемая.

Родители Илуды состарились и умерли. И эта семья пребывала в статусе «уважаемой и трудовой» теперь уже под руководством Илуды и, соответственно, теперь уже о его детях говорят, что растут они в уважаемой и трудовой семье. Впрочем, от самого этого статуса семье Илуды никакого прибýtка не было, и неудивительно, потому что сам Илуда вечно жаловался на свою судьбу: вон, как живут некоторые, и почему именно я появился на свет только на муки-страдания!

Был у Илуды друг, названный брат, который жил по соседству с ним, по происхождению азербайджанец. Звали его Нарсим. Они родились в один день с Нарсимом и выросли вместе. И вот уже сколько лет, как ходили они вместе добывать золото. Да, добывать золото, там, где неподалеку от их деревни была одна неприступная голая скала. На стене этой скалы можно было обнаружить почти невидимые глазом крохотные пластинки золота. И оба они, еще с юности, если не каждый день, то хоть через день, – если, конечно, позволяла погода, – ходили к этой скале добывать крупички золота.

На одном конце веревки обычно висел худой и легкий Нарсим, а второй конец веревки держал рослый и сильный Илуда. Жена сшила ему для этого дела специальную одежду, и, вверившись сильным рукам и верному сердцу своего побратима, Нарсим, бывало, часами висел на той веревке; раскачавшись, перскакивал с одного места на другое, жесткой как терка кистью зачищал он поверхность скальной стены, чтобы обнаружить спрятавшиеся в ней крупички золота. Они специально выбирали то время дня, когда солнце светило прямо на скалу, что помогало подвешенному на веревке Нарсиму увидеть на ней самые мельчайшие частички золота и не пропускать ни одного проблеска. «Нашел!» – кричал обычно обрадованный Нарсим Илуде, а затем, вооружившись увеличительным стеклом и крепким шилом, изготовленным специально для этого дела, начинал выковыривать из стены золотые крупинки микроскопического размера. Охваченные «золотой лихорадкой» друзья, бывало, за целый месяц наскребали едва ли два грамма золота. Уже давно это их золотоискательство превратилось в настоящий азарт, ничего общего не имеющий с ремеслом, приносящим реальный доход. Но каждый из них все-таки надеялся, надеялся на то, что в один прекрасный день они обнаружат столько золота, что... Хотя между собой они никогда не говорили об эом вслух.

– Продается?

– Продается.

– Почем?

– А у тебя деньги —то есть?!

– Денег у меня столько, что, если захочешь, и тебя куплю...

– Ну, давай, дорогой, давай! Только на кой тебе это мое искореженное тело! Я только душу продаю. У меня душа, знаешь, какая хорошая! Мучаться тебя не заставлю, своими руками выну и преподнесу ее тебе, дорогой, подходи!

– Ну, вот тебе и деньги! Давай душу!

Илуда вскочил с кровати, как ошпаренный.

– Ваа, это что за цветной сон был, – невольно воскликнул он, – я до этого только черно-белые сны видел, а сейчас и цветной увидел! Цветной, да такой ужасный и противный, фу-у! И приснится же такое! Откуда берется?.. – Илуда скривился, и трижды сплюнул.

«Интересно, я кем был: продавцом или покупателем?» – подумал одурманенный со сна Илуда и плеснул себе на лицо и шею пригоршни холодной воды. Чувствовал он себя паршиво, выглядел угрюмым, удрученным безо всякой причины. Еще раз плеснул на лицо живительной влагой и... С улицы послышался голос Нарсима.

– Пошли, брат, пошли, вот-вот осветит солнце нашу скалу, – вызывал он друга.

– Уух, Нарсим, не знаю, как ты, а у меня сегодня что-то сердце не лежит к этой работе, – пробормотал как бы про себя Илуда, но вытер лицо и вышел на улицу, где с мотком веревки на плече ждал его улыбающийся побратим. Да, Нарсим всегда так улыбался, – даже тогда, когда сердился.

Илуда без слов снял с плеча Нарсима тяжелую веревку, и перекинул ее себе за спину. Он всегда так поступал, потому что Нарсим был худой и слабый, а сам он был полон сил и здоровья.

Придя на место, они не теряли времени даром. Уже через две минуты Нарсим был готов к спуску на скалу. Как всегда, они пропустили веревку сквозь резиновую трубу, чтобы легче скользила и не терлась бы о камни во время спусков-подъемов. И Илуда нашел на вершине голой скалы место получше, понадежнее, где можно было хорошо упереться ногами, и приготовился спускать Нарсима. Скала была очень высокой, и, соответственно, эту их деятельность нельзя было считать совсем безопасной. Максимум внимания, полная мобилизованность всех сил и умения требовались друзьям каждый раз, хотя, как говорится, беда – как вода, – неизвестно, откуда просочится... Всегда подстерегающая смертного на его пути, такая «беда» именно сегодня выскочила из своей засады на друзей. А события развивались таким образом: всесторонне подготовившийся и надежно привязанный к веревке Нарсим лишь малость потропился. Хотя в этих обстоятельствах слово «малость» совсем не означало малости. А вернее, этот промежуток времени, длиной в две секунды, в который Нарсим опередил традиционное развитие событий, оказался достаточным, чтобы... Руки, протянутые Илудой к груде веревок, застыли, он увидел, с какой скоростью стала раскручиваться брошенная им свернутая веревка, как она заскользила по закраине скалы, как все уменьшалась, таяла эта груда на глазах... А Нарсим спускался по скале. Хотя он не спускался, он падал, летел в свободном падении! Все решали секунды: Илуда сначала схватился руками за скользящую вниз веревку, но ничего не сумел сделать, ощутив в ладонях страшную боль от ожога... Он в тот момент только-только собрался надеть рукавицы, когда привязанный к веревке Нарсим уже начал спуск – с веревкой, которую, как он думал, уже держали сильные, надежные руки друга. Илуда в десятую долю секунды принял решение: в уже ополовиненной оставшейся груде веревок он мгновенно схватил второй конец веревки, быстро намотал его на руку, обеими руками крепко вцепился в веревку и опрокинулся навзничь на поверхность скалы, уперевшись ногами в давно выбранный им надежный упор – в ожидании страшного удара, который последует от натяжения веревки, когда длина её закончится... Мышцы всего его тела были напряжены в готовности принять этот страшный удар.

Через несколько секунд после начала спуска-падения Нарсима веревка остановилась. Внезапно натянувшаяся веревка мгновенно остановила падение Нарсима. А сила инерции сначала отшвырнула его от скалы, а потом с такой силой ударила о скалу, что у каменной стены взвилось облако пыли. Илуда содрогнулся от тяжести падающего тела Нарсима. Напрягшийся

в ожидании удара, он выдержал эту нагрузку и удержал веревку. Хотя на секунду он почувствовал, будто руки его вырывают из живого тела, и эти его части вот-вот вместе с веревкой улетят со скалы вниз. Плечи его ощутили страшную боль, но вместе с этой болью все его существо было охвачено радостью победы: он выдержал! И тут же до его слуха донесся звук удара тела Нарсима о скалу.

– Нарсим! – воскликнул он, обрадованный тем, что второй конец веревки все-таки остался в его руках. Но между тем он уже понимал, что в этот миг ничего хорошего не происходит с Нарсимом...

– Наверное, он ударился о скалу, это ничего, главное, что я успел его удержать, и он не упал на землю, – бормотал про себя Илуда, подтягивая к себе веревку. – Мы уцелели! Я вытащу его наверх, взвалю на спину и отнесу домой. Он, наверное, немного разбился, – хотя там внизу что-то держало веревку и не давало ему возможности вытащить друга наверх.

– Нарсим! – еще громче позвал он, но и на этот раз не получил ответа, – Нарсим!!! – взревел распростертый на земле навзничь Илуда, все время пытаясь вытянуть на себя веревку, но безрезультатно. А потом он подумал: наверное, Нарсим за что-то зацепился, а вдруг я еще больше наврежу ему, – и остановился. Он чувствовал тяжесть Нарсима. Он чувствовал и то, как покачивалось тело друга на другом конце веревки... «Наверное, он без сознания; ну ничего, я подожду тебя, Нарсим,» – бормотал про себя Илуда, – «подожду, и, когда ты придешь в себя, ты и сам мне поможешь. Поможешь мне, и я тебя обязательно вытащу. Вот увидишь. Я подожду. Не бойся, я крепко держу веревку», – тяжело дышал Илуда и крепко сжимал обеими руками веревку, намотанную на предплечье. Потом он прикрыл глаза и на некоторое время затих. Около получаса находился он в таком состоянии, пытаясь потихоньку разобраться в случившемся и оценить свое нынешнее положение. Веревка, видимо, застряла между двумя выступающими над скалой глыбами, что не давало Илуде возможности вытянуть наверх своего друга, потерявшего сознание от удара об скалу. Он сам не мог этого видеть, но попытавшись сделать это и не сумев выполнить задуманное, он все понял. В своем воображении он видел эту картину, и ему оставалось только надеяться на собственную выносливость и на появление помощи со стороны. Сейчас, в это время дня, здесь мог бы появиться только случайный прохожий. Ему оставалось только надеяться на собственную выносливость и на появление помощи со стороны., когда выгоняли деревенскую отару овец, а вечером возвращались уже по противоположному склону горы, огибая это место. Неужели ему придется ждать до рассвета? – думал испуганный Илуда, – да и выдержит ли он? Нет, столько времени он не выдержит, кончится запас его силы, отпустит он веревку, и... Ему тошно было даже подумать об этом. Он ведь держал в руках жизнь своего лучшего друга, своего побратима.

«Нет, до появления пастухов мне не выдержать,» – подумал Илуда и ещё раз попытался вытянуть Нарсима, но и на этот раз безуспешно. Выступавшие за пределы стены каменные глыбы не позволяли сделать это.

«Что-нибудь придумаю, надо только хорошенько подумать, я найду тысячу возможностей, чтобы как-то достойно выйти из этого затруднения,» – не терял надежды Илуда. – «А может, Нарсим придет в себя и поможет мне освободить веревку оттуда, снизу. А вдруг Нарсим уже... Нет, нет! Не буду об этом и думать,» – решил Илуда и более уже не погружался в размышления, чтобы не потонуть в безнадежности. – «Сейчас моя главная задача – беречь силы, кто знает, когда появится помощь», – вот что постоянно повторял он мысленно. К тому же, он уже сильнее ощущал боль в руках.

«Ничего страшного, боль – это ерунда, выдержу, должен выдержать, больше ничего мне не остается».

– Нарсим! – время от времени окликал он друга, а потом весь обращался в слух, напрасно ожидая отклика. И ниоткуда не раздавалось никаких звуков, подающих надежду. Это еще что, – в этом месте не раздавалось даже щебетания птиц. Наверное, потому, что скала была

голая, и почти никакой растительности не было поблизости. А птицы, даже самые маленькие, любят петь-щебетать, спрятавшись в густой листве, чтобы не стать жертвами хищных собратьев, подстерегающих их. Только ближе к вечеру до слуха Илуды и до его измученного сознания донесся отдаленный голос перекликающихся птиц. Со склона, поднимающегося к востоку от него, вдоль которого, по невидимой ему стороне возвращались в деревню со стадом пастухи, послышалось пение дроздов. Точнее, перекликались два дрозда. Внимательный слушатель понял бы, что слышит диалог двух птиц. Дрозды щебетали по очереди, и Илуда невольно стал вслушиваться в их щебет. Хотя Илуде, в общем-то, было не до них, вскоре ему показалось, что их диалог перешел в спор. Да, именно так показалось Илуде, что дрозды отчаянно спорили меж собой, ругались на своем птичьем языке.

– Как странно и хорошо слушать щебет птиц, хотя бы и ссорящихся между собой, – думал Илуда. – Боже, помоги на благополучно возвратиться домой, и я обязательно разыщу потом то место, где ссорились два дрозда, а они непременно будут продолжать свою перебранку, а я сяду и буду слушать со спокойной душой их громкие голоса, – думал Илуда и плакал, плакал потому, что уже смеркалось, и дрозды приумолкли, а никакой помощи ниоткуда не было видно. Плакал оттого, что, хотя он время от времени и окликал другаа, ответа попрежнему не было; оттого, что болел все сильнее позвоночник, потому что он все время прижимался плечами к скале. Мышцы ног, прижатых к каменному упору, готовы были лопнуть от напряжения и усталости, и все тело было в таком же состоянии, дрожащее и трясущееся; плакал, потому что хотел пить и чувствовал, как постепенно деревенеет и стягивается все его тело... Он плакал, но это не был плач безнадежно махнувшего рукой на все, побежденного человека. Он решил, что он будет до конца бороться за жизнь своего друга, чего бы это ему не стоило. Уже далеко за полночь он все так же убеждал себя, что за все это время он еще не истратил всех сил и энергии, наоборот, он как бы отдыхал и собирал все свои силы для решающих действий.

– Не бойся, дружище, я тебя не оставлю, пока я сам жив, – со слезами в голосе шептал Илуда, скрипя зубами от боли и горя. Из последних сил он сжимал веревку, которая, тем не менее потихоньку выскользывала из онемевших пальцев. Он и сам чувствовал это, и временами ему казалось, что он ничего не сможет сделать. Это временами накатывающее на него ощущение безнадежности обострялось усталостью и упадком всех его сил. К мукам его добавилось и то, что в кожу его рук, потную и набухшую, все глубже врезалась веревка. Он чувствовал, как она все глубже проникала в рану, причиняя невыносимую боль. Да еще этот соленый пот... Он уже готов был взречь от боли:

– Боже, дай мне силы выдержать эту боль, которая отнимает у меня силы и выжимает из меня по капле последнюю надежду!.. – потом он опять почувствовал свое одиночество; да, одиночество, несмотря на то, что волею судьбы был сейчас намертво связан со своим лучшим другом.

– Чей умысел связал нас этой веревкой? Мы ведь и так всю нашу жизнь были связаны друг с другом невидимой силой и чувствами? Кому и зачем понадобилось еще и это испытание? Наверное, нас проверяют. Но которого? Обоих? Нет, должно быть, меня испытывают. Наверняка, это так! И зачем понадобилось меня испытывать? Неужели я это заслужил, обнаружив перед кем-то недостаточную верность другу? Нет! В этом даже Отец Небесный не сможет обвинить меня! И если все-таки есть у кого-то сомнения, то они увидят, как ак развею я эти их сомнения и надежду победить меня! Пусть посмотрят, и я покажу им пример настоящей дружбы! – и Илуда с удвоенной силой стиснул руки на проклятой веревке, хотя, вроде бы, уж и сил на это больше не оставалось. Он и так уже сколько часов подряд изо всех сил сжимал её, чтобы удерживать, не жалея этих своих последних сил.

– Нарсим! – еще раз завопил Илуда. Он кричал так громко, как только мог – обессиленный, почти уничтоженный морально и физически человек... – А вдруг он уже... Нет, даже мысли такой не должно быть! Нарсим жив! Живой, только без сознания он. Господи, хоть

на секунду увидеть бы его! Пусть он уже неживой, но я все равно не отпущу его. Вот так пусть и будет! – выкрикнул Илуда – и взгляд его остановился, лицо его теперь напоминало лицо человека, находящегося в агонии... Глаза его смотрели в небо, вернее, куда-то в бесконечность... Уже светало. Вместе тающей тьмой ночи таяли в Илуде последние крохи силы и энергии. Но взамен, с разгорающимся светом зари в нем затеплилась надежда, надежда на то, что вскоре пройдут здесь пастухи, и тогда...

– Братка! —вдруг послышался Илуде знакомый голос. Он пришел в себя как от удара, почти полностью вышел из той безнадежной бесконечности.

– Нарсим! Нарсим! Это ты был, Нарсим? – завопил Илуда и тут же почувствовал, как вздрогнула в его ладони веревка.

– Не двигайся, Нарсим, умоляю, не шевелись, веревка ускользает, пропадем, – быстро зашептал испуганный Илуда, так как почувствовал, как сильно вздрогнула веревка... И совсем мало осталось свободной веревки в его ладонях, всего несколько сантиметров последней надежды...

– Как ты там, Нарсим? – почти шепотом спросил Илуда, словно боялся, что веревка ускользнет от одного только звука его голоса.

– Руки-ноги побиты, голова проломлена, но мне все-таки хорошо, братишка. Веревка попала между глыбами камней, наверх ты меня не вытянешь, что-то другое надо придумать...

– Что-нибудь я придумаю, Нарсим, не бойся! Скоро уже пастухи здесь пройдут, и... Хотя бы один человек появился, веревку перекинем на другое место и вытащим тебя! Я ее крепко держу, будь спокоен!

– Знаю, брат, знаю... Только что забыли здесь в этот вечер пастухи, хочешь меня обнадежить, да, брат? – послышался бледный смешок Нарсима из-под скалы, снизу.

– Нарсим, уже второй день пошел, утро, сейчас светает.

– Ты уже второй день так меня удерживаешь, брат? – в голосе Нарсима слышались слезы.

– А кто же еще, ты же меня все-таки знаешь, это не должно тебя удивлять! – отвечал Илуда, чувствуя в то же время, что теряет последние силы. Руки его были все в крови, все тело болело, дрожало... «Ну, вот-вот потеряю сознание и все закончится,» – думал Илуда, окончательно обессиленный, и чувствовал, как безжалостно уползали последние сантиметры веревки в сторону пропасти. – «Боже, дай мне еще хоть немного сил, чтобы выдержать это,» – молился Илуда, вперив в небо свой взгляд, и в глазах его темнело.

– Второй день... – бормотал чуть слышно беспомощно висящий внизу Нарсим и понимал, что его жизнь сейчас не на веревке подвешена, а на волоске. В течение нескольких минут оба они безмолствовали, замерев. А веревка тихо-тихо сползала со скалы. А потом вдруг Нарсиму почему-то захотелось поговорить, и он сказал:

– Помнишь, брат, я в Баку дом продал?

– Да, помню, – отвечал ему в полузабытьи Илуда.

– Знаешь, сколько мне за него заплатили?

– Нет, не знаю.

– Двести пять тысяч долларов, братец, – услышав это, Илуда почувствовал, как в глазах у него посветлело и во всем его существе стали происходить какие-то необъяснимые перемены. Он чувствовал, как в нем просыпается какая-то энергия, прибавляются силы. Он с удивлением наблюдал за этими переменами в себе, не веря им, не понимая, что происходит. Может быть, бог услышал его молитву, – к такому заключению пришел он в конце концов. Веревка уже не ускользала из рук, сил прибавлялось, и вместе со всем этим возвращалась к нему надежда на помощь и спасение. А потом, ободренный этими изменениями, он спросил у друга немного обиженным тоном:

– Ты что, засомневался в моих братских чувствах и в моих силах? Разве время сейчас вспоминать о деньгах, а, Нарсим?

– А почему ты так подумал, брат? – удивился Нарсим. – Я совсем о другом хотел тебе сказать.

– А тебе что, и вправду столько заплатили там, в Баку? – как-то невольно захотел уточнить Илуда.

– Клянусь тебе, с чего бы я стал тебя обманывать? – У Илуды сил прибавилось в десять раз больше, и переполнявшая его энергия заставляла все крепче сжимать руки на уже остановившейся веревке. Он был уверен, что с такой-то энергией он сможет держать друга хоть неделю. Хотя и сам он был поражен, не мог понять, что с ним происходит. А Нарсим продолжал:

– Но, все-таки, брат, кто знает, чем для меня закончится все это... Короче, я решил сказать тебе, где я прячу те деньги. Я один знаю это место, а с этого дня и ты будешь знать его... Я для детей хотел их сохранить, вот вырастут, и...

Илуда замер и весь обратился в слух. И Нарсим почувствовал эту его каменную неподвижность. Он так надежно и крепко висел, что... У него появилось такое ощущение, будто он не на веревке качается, а приварен намертво к стальной оси, он, сам удивившись этому ощущению, продолжал:

– Они лежат в дупле нашего дерева, завернутые в огнеупорную ткань и в черный целлофан сверху, – как только Илуда услышал это, руки его вдруг ослабли. Это почувствовал и Нарсим. А Илуда опять не мог погять, что с ним происходит.

– Нарсим, руки у меня разжимаются, сил нет больше, – выдохнул Илуда, – сам не могу понять, что со мной творится...

– Ты же знаешь, о каком «нашем дереве» я говорю, – обреченно продолжал Нарсим, чувствуя, что вот-вот упадет, сорвется. Хотя Илуда вдруг опять почувствовал неожиданный прилив сил, нова ухватился за веревку покрепче и даже остановил ее. Он опять удивился, у него было такое ощущение, будто кто-то другой, откуда-то вселившийся в него, контролирует и эту энергию и его сознание.

– Что ты подразумеваешь под «нашим деревом», Нарсим, я ничего не понимаю? – закричал он и вдруг так сильно дернул на себя веревку, что бедный Нарсим стукнулся о камни, нависшие над его головой, где застряла веревка.

– Чувствую, что сил у тебя прибавилось, – снова затеплилась надежда в Нарсима...

– Что ты подразумеваешь под «нашим деревом»? – опять крикнул Илуда, теряя терпение.

– Это орех, наше ореховое дерево, на котором уже не бывает плодов, – был ответ, и...

Получив эту информацию, Илуда вновь обессилел. Конец веревки, словно только что пойманная трепещущая рыбка выскользнул из рук и...

– Нарсим!! – завопил горестно Илуда, быстрым ужом подползая к краю скалы.

– Я не Нарсим. – послышалось снизу Илуде.

Там, где-то очень далеко внизу, он увидел бездыханное тело Нарсима. Он лежал на спине и, наверное, как всегда, улыбался. Илуда прижал к лицу окровавленные ладони и заплакал.

К полудню Илуда управился со всеми делами. И деньги Нарсима вынул из дупла, переправив их в другое надежное место. Пока он делал все это, не думал ни о чем. Его, уставшего и измученного, удивляло лишь то, откуда у него взялись силы и энергия для выполнения всего этого. Хотя причина этого была теперь у него в руках. Деньги! Вот самое несравненное средство для выявления накопившегося мусора в душе человека; мусора, который внезапно превращается в биологическое топливо и оборачивается сильнейшей злой энергией.

Стоял Илуда среди скорбящих родных и близких Нарсима и горючими слезами оплакивал друга, рядом с ним рыдала жена Нарсима, а кто-то мог подумать, что не мужа оплакивала

она, а деньги, спрятанные им неизвестно где, хотя, наверное, это не так было, она ведь очень любила его.

– Деньги были у него спрятаны, для детей берег... Потеряли мы и эти деньги, ведь ни за что никому не хотел сказать, где хранил, – жалобно плакала она, только что овдовевшая. А Илуда стоял, безгласный, утопая в собственных слезах и только всхлипывал временами. Он и сам не понимал, кого оплакивал, друга или самого себя.

Один мой знакомый говорит: ненавижу деньги, как раздобуду их, так и сразу спускаю, трачу. А я отвечал на это: если так уж они тебе противны, зачем их добываешь? А он сказал мне так: во-первых, сам процесс их траты очень приятен, а во-вторых, денег надо иметь побольше, чтобы понять, что в жизни деньги – не главное. Я немного подумал и пришел к такому неожиданному и неадекватному заключению (главное, что я сам к нему пришел): безденежного легче купить, чем денежного, и в этом, наверное, одно из положительных свойств денег.

А еще я слышал где-то, что смертный, сделав что-то неприемлемое (непотребное), само собой, в лепешку расшибется, называя тысячу разных причин для оправдания, только у истоков таких поступков всегда лежат деньги. Для большинства смертных деньги – это мираж, увиденный затерявшимся в безлюдной пустыне человеком, все силы которого сосредоточены на единственной цели – выжить! Мираж, который заставляет забыть свое реальное состояние, и который, в конце концов, и губит его, заблудившегося и обнадеженного недостижимыми мечтами.

А еще говорят, что деньги для того и существуют, чтобы их тратить. Ведь спрятанные и неиспользуемые деньги теряют свой смысл. Хотя, как только начинаешь тратить это спрятанное достояние, деньги сразу же вновь обретают свое «великое» предназначение, сводящее с ума и оглупляющее абсолютное большинство людей. Хотя отложенные деньги, бесспорно, это хоть какая-то надежда... Но! Разве всегда надежда является абсолютным благом?! Ведь и измена – поступок, обоснованный какой-то надеждой; надеждой на выгоду, которую можно получить взамен. Хотя часто и изменникам изменяет надежда... Черт с ними! А все-таки для всех самое лучшее и надежное – опять-таки деньги! Ведь деньги могут заменить все – кроме высших духовных ценностей, на которые, даже если бы они и продавались, никто не потратит денег. Потому что купленную честь ты никогда не сможешь сделать своей Честью, и она останется для тебя бесполезным и ненужным приобретением, как и сами деньги. Извините, я хотел сказать – фальшивые деньги. Хотя немногие догадываются о том, что и сами деньги – это ложь, подделка... Подделка всемогущества и благородства.

Илуде сказали: – Ты должен предать! – Илуда задумался...

– Погоди-ка, твой голос мне очень знаком, – вдруг осмелился он выговорить слова...

– Это твои проблемы, а со мной говори о деле, братец, о деле, – жестко сказали ему.

А Илуда спросил:

– И что я получу взамен?

– Деньги! – сказано было в ответ... И Илуда согласился.

– А теперь скажи мне, кого я должен предать? – спросил он немного погодя.

– Не кого, а что! – услышал в ответ.

– Что?.. И чему же я должен изменить? – спросил он опять.

– Деньгам, деньгам должен изменить, – твердо отвечали ему.

– И как это получится?

– Деньгам ты должен изменить! Мы платим тебе деньги за измену! Измену деньгам! – повторил невидимый собеседник и протянул ему деньги, – если ты согласен, забирай!

Растерявшийся Илуда раскрыл было рот. Он потянулся задрожавшей рукой за протянутой ему толстой пачкой денег, – да так и остался навеки. С той поры повелось: потянется Илуда за деньгами скрюченной от жадности дрожащей рукой, – а деньги и спрячут, не отдают. Бежит он за ними, ничего не замечая вокруг, кроме протянутых денег... Сминает все на своем пути, напролом идет, нет для него никаких барьеров... Его вытаращенные глаза видят только деньги... Деньги, которые он вот-вот догонит да схватит, но... Не дотягивается! Да, такой вот и осталась навечно протянутая к деньгам рука Илуды, и так бесконечно простирает он руки к деньгам, но не получает их; думает, что вот они, да не может завладеть, убегают они от него... Убегают, потому что... Он ведь изменил деньгам. А он все равно к ним тянется, ему ведь пообещали денег – за измену деньгам...

Ну, вот вам и сцена, извечная...

СВЯЗЬ

Часть первая. Россия

Владиюг жил во Владивостоке. Этот русский город на берегу Тихого океана именем своим возвещает миру о том, что этой частью самой дальней восточной окраины континента Евразии уже давно владеют россияне. А точнее: в тысяча восемьсот шестидесятом году, утверждаясь на этой территории, русские основали здесь военное поселение «Владивосток», которое за какие-то двадцать лет превратилось в город Владивосток. Как ни удивительно, первый ребенок в поселении «Владивосток» родился лишь спустя три года после его основания, в тысяча восемьсот шестьдесят третьем году, в семье Подорожкиных, и выбрали для него самое жизнеутверждающее имя: девочку назвали Надеждой. И вот, ровно через сто семнадцать лет после этого достопримечательного для города события...

Владиюг Владиславович Подорожкин родился именно в этом городе, в тысяча девятьсот восьмидесятом году. Здесь он встал на ноги, здесь же заговорил, разумеется, сначала на родном русском языке. Обратите внимание, я говорю – «сначала», – так как впоследствии он овладел, как своим родным, многими иностранными языками, и изучение языков так захватило его, что из увлечения превратилось в страсть, в азарт. Никто не знает, был ли Владиюг Подорожкин прямым потомком тех первых владивостокцев или просто однофамильцем, но одно точно известно: Подорожкины очень гордились тем, что их фамилия ассоциируется с основанием города, и поэтому иногда они так чванились, что и Романовы позавидовали бы!

Здесь же, во Владивостоке, и вырос Владиюг, здесь же закончил он среднюю школу имени какого-то известного коммуниста. Находилась она в юго-восточной части города, и именно в том месте, что было ближе всего к шестнадцатизэтажному корпусу, в котором на одиннадцатом этаже в трехкомнатной квартире проживал Владиюг и, соответственно, вся семья Подорожкиных. Исходя из этого факта, проницательный ум поймет, что Подорожкины выбрали для своего старшего сына среднее учебное заведение не из-за престижности данной школы, как это принято обычно у амбициозных родителей города Владивостока, да и не только этого города. Нет, при выборе школы, – однозначно и целенаправленно, – решающую роль сыграло расстояние, то-есть близость школы к дому.

– Мне будет лучше, если мой мальчик будет здесь же, рядом, перед глазами, чем получит знания в какой-нибудь отдаленной «престижной» школе. Там труднее будет присматривать за ним. Ничто не сравнится с внимательным родительским глазом, даже если это и будет надзор самых свехученых педагогов-учителей, – так сказал отец Владиюга, Владислав Владыч Подорожкин, на родительском совещании, посвященном Первому сентября, именно тогда, когда его супруга, Светлана Игоревна Подорожкина-Дубровская, высказала свое предложение на этот счет (так сказать, забросила удочку), – наполовину из материнской заботы, наполовину из легкой зависти к соседям, так свойственной большинству представительниц женского пола. Она сообщила, что их соседи Коноваловы, чей сынок был ровесником Владиюга, уже почти решили определить его в Первую школу имени Пушкина, что в центре города, и тут же добавила, что эту новость эту она узнала от самой Натальи Юрьевны Коноваловой, хозяйки, которая с того самого дня очень возгордилась. Но эти слова Светланы Игоревны и вправду больше походили на забрасывание удочки в водопад, чем на какое-то результативное предложение... А Владислав Владыч был хозяином своего слова, и его решение было окончательным и бесповоротным. Хотя все же что-то царапнуло душу, как подумал о том, что в этом школьном вопросе сын соседа окажется вроде бы в более привилегированном положении, чем его ребен-

нок. Потом он взглянул на семилетнего Владиюга, пристроившегося тут же на краешке стула, и с задумчивым видом произнес:

– Сынок! А этот твой товарищ, коноваловский сын, что он за мальчик?

– Хороший! – ответил Владиюг.

– А он не хвастун, не задавака? – подмигнул ему Владислав.

– Нет, – пожал плечами мальчик, несколько удивленный отцовским интересом

– Ладно. Значит, ты останешься в нашей школе, а он пусть ходит туда, в пушкинскую, – указал пальцем куда-то в пространство глава семьи, и тем самым поставил точку в совещании, посвященном Первому сентября.

Вот так и провел Владиюг одиннадцать лет в обычной районной школе, где учились в большинстве своем незнакомые ему дети, проживавшие в разных районах города. Ибо в тот период родители обычно отводили детей в школы подальше от дома, чтобы потом можно было небрежно похвастать перед соседями, – мол, вот в такой особенной школе учится наш ребенок, – в надежде на то, что из-за удаленности школы никто не попытается перепроверить сказанное. Дабы таким образом имидж их деток оставался нерасшифрованным ближайшими друзьями-соседями – и всегда интересным, интригующим.

Дети же, в отличие от их родителей, находили совсем иную прелесть в том, чтобы ходить в школу, находившуюся на большом расстоянии от дома. И даже сейчас, когда Владиюгу исполнилось двадцать восемь лет, он с сожалением и даже с некоторой завистью слушал своих ровесников-соседей, закончивших школы в других районах города, которые и столько лет спустя с гордостью и удовольствием вспоминали свои приключения в школьные годы. Как, например, решили они однажды пешком вернуться из школы домой, и как стемнело в пути, и сколько «бед» приключилось с ними, пока добрались до дома... И к тому же так вдохновенно и привлекательно описывали все это, словно брели они тогда не по залитым электрическим светом улицам цивилизованного города, а по темным и страшным джунглям, где на каждом шагу подстерегали их ужасные опасности. И в то время, как его друзья с шутками и смехом напоминали друг другу разные эпизоды из прошедших лет, самому Владиюгу и сказать-то было нечего. Эти случаи всегда будили в нем сожаление, приводили его в плохое настроение и, придя домой, уже в который раз упрекал он своих родителей: почему не отдали вы и меня в какую-нибудь отдаленную школу города, вы же не представляете, сколько я потерял в жизни из-за этого в те годы, куда уже никогда не вернуться.

Впрочем, не думайте, что и у Владиюга совсем не было добрых воспоминаний. Напротив, Владиюг Владиславович был веселым и непоседливым юношей. У него нашлось бы немало и сладких, и горьких воспоминаний, и если бы бог наградил его хоть каким-то небольшим талантом к писательству, он живо настроил бы многотомную остросюжетную автобиографию. Но, за исключением писательского таланта, Бог одарил его многими другими. Семь языков знал Владиюг Владиславович, и высшее образование получил, и даже считал уже сформировавшейся собственную Идею, – иначе говоря, свое понятие о смысле жизни. На первый взгляд, Владиюг был обычным светленьким русским паренком, хотя, всмотревшись повнимательнее в его лицо, ироничное и наивное одновременно, вы бы сказали: этот парень и в самом деле что-то знает – и скрывает.

Владиюг Подорожкин, подобно большинству российских граждан, имел несколько странное чувство патриотизма. И странность эта заключалась в том, что выражалось оно – чувство патриотизма – максимально радикально и с бурными эмоциями. Такой патриотизм русских можно посчитать хорошим примером для многих других народов, а в некоторых случаях он даже превращается в предмет несбыточных мечтаний. Для создания общего представления о странном русском патриотизме и его результатах, я думаю, стороннему наблюдателю достаточно будет взглянуть на площадь, занимаемую на карте мира этим огромным государством.

А в заключение – не поленитесь заглянуть в историю этой страны непредвзятым взглядом нейтрального человека.

Да, очень любил Владиюг свою Родину. Вы, наверное, скажете: ну, и что примечательного и необычного в том, что человек любит свою Родину? Да ничего, если не учитывать, что в случае Владиюга любовь эта стала фанатически возвышенной. Возможно, именно поэтому безмерно любящий Родину Владиюг Подорожкин несколько лет тому назад стал членом одной из радикальных в идеологическом плане организаций, название которой было «Союз православных патриотов России». Несмотря на то, что в названии упоминалось православие, эта организация была отнюдь не религиозным объединением, и нигде не зафиксированы её деловые связи с русской православной церковью. Хотя в идеологии этой организации именно православие выдвигалось на первый план и занимало там главное место, особенно при принятии решений по тому или иному вопросу. Девизом организации было: «Не существует России вне православия и православия – без России». Члены этой организации были уверены, что, если бы не Россия и русский народ, давным-давно православие заменили бы католицизм, протестантизм, другие христианские течения, а в худшем случае – и нехристианские. Для этих людей не имело значения, был ли верующий человек христианином, мусульманином, иудеем либо последователем любой – другой – религии. Все те, кто не были православными, были для них неприемлимы: неразумные, сбившиеся с пути истинного. А истинными и совершенными православными, в первую очередь, были русские люди, и становым хребтом этой веры была, конечно же, Россия.

Приведем здесь несколько событий, с которыми связаны некоторые поступки Владиюга, вызванные его безграничной любовью к Родине и вере.

Весь Владивосток помнит случай с пожаром, вспыхнувшим на грузовом судне, плывшем под флагом Голландии, только что вошедшим в порт Владивостока. Пыхающий оранжевым пламенем корабль превратился в пустой закопченный железный каркас еще до того, как работники порта начали разгрузку судна. Капитан первым сбежал с охваченного пламенем судна, и потом оправдывался: не годится, если капитан помрет, изжарившись в огне, капитана корабля должна упокоить вода. Вслед за капитаном и весь экипаж переместился на сушу и с безопасного расстояния созерцал гибель своего судна, с тайным чувством облегчения, естественным для спасшихся от огня. Слава Богу, это происшествие обошлось без человеческих жертв, хотя пожар полностью уничтожил весь груз самого разного предназначения. По официальным сведениям, владивостокским следователям и до сегодняшнего дня не удалось установить причину возникновения пожара. А когда дело дошло до подсчета ущерба, то из документов, оставшихся в Голландии, выяснилось, что в составе разного груза, – детского питания, различных медикаментов, дорогостоящей мебели, заказанной для украшения интерьеров номеров одной из престижных гостиниц Владивостока, большой партии листов офисной бумаги, самых разных цветов из Голландии (почти полтонны!), – находилось и большое количество религиозной литературы. В частности, этим рейсом из Голландии во Владивосток отправлялась русским братьям и сестрам от последователей религиозного учения «Свидетели Иеговы» новейшая, свежеспециально выпеченная литература. Весь следующий квартал она должна была распространяться по всему Приморскому краю, но пожар не пощадил и её, уничтожив полностью вместе со всеми остальными материальными ценностями.

И тогда как одна часть обитателей Владивостока, по своему разумению, изобретала самые разные версии произошедшего инцидента, а другая часть просто предавалась воспоминаниям о пожаре в порту, в это же самое время «Союз православных патриотов России» праздновал успешное осуществление акции по сметению с лица земли литературы «Свидетелей Иеговы»! Да, этот пожар устроили именно они, а автором идеи и главным её исполнителем был никто иной, как Владиюг Владиславич Подорожкин.

Это был не первый успех в диверсионной деятельности Владиюга Подорожника. Уже тогда, когда он посвящал друзей-товарищей в свою идею сожжения судна, он был не единожды прославлен участием в различных нашумевших делах, которые долго волновали и будоражили умы жителей Владивостока, и считался чуть ли не самым активным членом организации. Так что кровь Владиюга кипела, и по этой причине иногда и мозги чересчур перегревались.

В недалеком прошлом, в период советской власти, на протяжении целых тридцати лет, в частности, в 1958—88 годах, Владивосток был закрытым городом. Иностранцы, а также жители других городов Советского Союза, могли попасть туда только по специальному разрешению. Как рассказывали, решение таких вообще-то странных и таинственных мер было принято из-за географического положения города. Все прибывающие-отъезжающие по специальным разрешениям находились под особым и усиленным наблюдением. Выполнять такое ответственное задание исключительно силами владивостокской милиции, разумеется, было невозможно, и поэтому, в отличие от других советских городов, здесь в особом режиме работали службы, ответственные за безопасность государства. Даже сейчас, спустя столько лет после того, как с города официально снят статус «закрытого», говорят, что все-таки ощущается советское наследие в вопросах заботы о безопасности этого города. Правда, Советский Союз распался, но Владивосток попрежнему географически находится на том же месте, где и был, да и соседние страны не изменили своего местоположения и амбиций. И вот поэтому ни для кого не является тайной существование в городе большого количества секретных служб.

Активная деятельность Владиюга не осталась незамеченной для правоохранительных органов. Ведь зачастую акции аборигенов Владивостока, каковыми являлись Владиюг и его единомышленники, были направлены против иностранцев. И поэтому за Владиюгом Подорожниковым уже давно тайно наблюдали, и личностью его интересовались спецслужбы Российской федеральной безопасности. Несмотря на то, что в деятельности организации и, соответственно, самого Владиюга, содержались во множестве действия, явно нарушающие права человека и другие демократические принципы, тем не менее никто и никогда не пытался пресекать весьма радикальные, зачастую даже преступные, мероприятия, осуществляемые «Союзом православных патриотов России». А такая лояльность по отношению к радикализму относится как раз к тем случаям, когда думают, что защита и поощрение поступков, порожденных национально-патриотическим менталитетом, хотя бы за счет нарушений, или, мягко говоря, без учета менталитета и традиций других наций, является законно предпринятым шагом к сохранению самобытности своей собственной нации. И сторонники такой логики приводят множество примеров из мировой истории, опираясь на которые утверждают, что в многонациональном, обладающем богатством национальных традиций мире не может быть демократического интернационализма. Более того, они считают невозможным сформировать полноценную демократию на этом этапе развития цивилизации угнетателей и угнетенных, так как существующий в истинной демократии высокий уровень толерантности исключает саму возможность длительного существования этой демократии. Такая идеология на сто процентов совпадала с психологией и характером большинства русских людей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.